

рым происходит многоразовое получение конечного результата – конкретного итога, продукта деятельности. Технология выступает как рационально организованный способ деятельности [2, с. 213, 216–217]. Последняя (рациональная организованность) проявляется в целенаправленности и упорядоченности действий.

Таким образом, криминалистическое понятие «технология» должно раскрываться в том числе через такие признаки, как совокупность знаний или абстрактная модель; организационная деятельность или целенаправленность и упорядоченность действий.

Очевидно, что на основе выделенных признаков следует формировать производные криминалистические понятия, в том числе и понятия «криминалистическая технология», «технология процессуального действия», «технология расследования преступлений».

б. Проведенное исследование позволило сформулировать авторское определение технологии как абстрактного научного понятия о функционально-информационной модели, дающей представление о целенаправленной и организационно-упорядоченной совокупности действий (деятельности), обеспеченных соответствующими ресурсами [7].

Рассматривая наиболее существенные элементы (признаки) понятия «технология», следует обратить внимание в том числе на то, что любые действия или совокупность действий характеризуют деятельность субъекта – человека. Такая деятельность может носить положительный или негативный характер. Так, в криминалистике деятельность такого субъекта как орган расследования носит явно выраженный положительный характер, а деятельность преступника (точнее преступная деятельность субъекта) – негативный (отрицательный) характер. Но в любом случае такая деятельность является целенаправленной и в большей или меньшей степени организационно-упорядоченной.

Под ресурсами как элементом технологической модели предлагается рассматривать весь исходный «материал», способствующий целенаправленной деятельности субъекта – человека (техника, орудия, средства, оборудование или другие предметы материального мира, информация и т. п.). При различных видах человеческой деятельности к ресурсам могут относиться также управленческие, организационные, политические, административные мероприятия (процессы) и т. п.

Следует иметь в виду, что деятельность, которая проявляется в технологии, предполагает существование нечто, что связывает человека как субъекта деятельности с ресурсами такой деятельности. Это нечто принято называть взаимодействием (связями, взаимосвязями), выраженном в методе, т. е. совокупности правил, требований, процедур, способов, принципов, предписаний и т. п., ведущих субъекта к достижению поставленной цели.

7. В криминалистике по аналогии с другими науками можно выделить несколько уровней рассмотрения технологии: *научный* – для обеспечения исследований наиболее рациональным, эффективным, оптимальным путем достижения результата; *методологический* – учение о криминалистической технологии как о методе; *процессуальный* – отражающий криминалистическую технологию как специальный процесс для получения определенного результата.

Таким образом, технологическая парадигма в криминалистике позволяет иначе взглянуть на процесс расследования преступления, осмыслить его как технологически устроенное образование, главным для которого является не цель, а результат, средства и методы его достижения. Данная парадигма также позволяет обеспечить комплексное системное совершенствование криминалистических технологий с точки зрения недопущения нежелательных последствий их применения.

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 33. СПб., 1901.
2. Власть. Политика. Технология / под общ. ред. Ю.И. Матвеевко, М.Ю. Мишулина. М., 2002.
3. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. М., 1999.
4. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
5. Ренер Н.А. Тенденции развития криминалистики в XXI веке: об итогах некоторых научных дискуссий // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. С. 15–17.
6. Цховребова И.А. Тактика и технология отдельного следственного действия // Современные тенденции управления расследованием преступлений : сб. науч. тр. : в 2 ч. М., 2007. Ч. 1. С. 143.
7. Шмонин А.В. Технологии в теории и практике криминалистики // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений : сб. науч. тр. : в 2 ч. М., 2005. Ч. 2. С. 59–63.

УДК 343.985

М.П. Шруб

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ЯВЛЕНИЯ ПРОСТИТУЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Неотъемлемым условием возникновения и развития преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией (ст. 171, 171¹, 181 и др. Уголовного кодекса Республики Беларусь), выступает существование такого социального явления, как проституция. При этом важно отметить, что в современной Беларуси не проводилось ни комплексного анализа

проблем выявления, раскрытия, расследования и предупреждения указанной группы преступлений, ни изучения явления проституции как их первопричины для решения задач криминалистики. В этой связи, устраняя указанный пробел, представляется необходимым изначально подвергнуть анализу само рассматриваемое явление как детерминант обозначенных криминальных деяний.

Под проституцией обычно понимается вступление за плату в случайные, внебрачные сексуальные отношения, которые не основаны на личной симпатии либо влечении.

Проституирование возможно при гетеросексуальных и гомосексуальных отношениях как со стороны женщины, так и со стороны мужчины (еще в Древней Греции наряду с женскими публичными домами существовали и мужские, а в Древнем Риме число мужчин, занимавшихся проституцией, не уступало числу женщин-проститутки). Также не имеет значения способ удовлетворения половой потребности.

В литературе отмечаются различные признаки проституции: неопределенная множественность партнеров; систематичность сексуальных контактов; «публичность», достоверная известность о роде занятий проститутки; доступность лица, занимающегося проституцией, каждому желающему удовлетворить сексуальную потребность за плату; специфический «образ жизни» и др. [1, с. 372].

С учетом особенностей рассматриваемого явления предпринимаются попытки обобщить его признаки по ряду оснований (занятий):

роду – удовлетворение сексуальной потребности клиента;

характеру – регулярный, систематический, профессиональный промысел, который осуществляется путем половых связей с разными лицами, не основывается на личной склонности или чувственном влечении, направлен на удовлетворение половой потребности клиента в любой форме;

мотиву – заранее обусловленное вознаграждение в виде денег или иных материальных ценностей, которое, как правило, является основным либо дополнительным источником средств к существованию лица, занимающегося проституцией [5, с. 173].

Трактовка указанных признаков позволяет выделить два наиболее существенных и принципиальных: безличный (отчужденный) и возмездный (платный) характер сексуальных отношений. Совокупность этих двух критериев позволяет отграничить проституцию от корыстных супружеских отношений (например, брака по расчету) и внебрачных сексуальных связей, в том числе беспорядочных и многочисленных, основанных на личных симпатиях и влечениях (например, получающих все большее распространение в подростковой и молодежной сре-

де безличных, отчужденных, но бескорыстных контактов) [1, с. 372]. Таким образом, при проституции тело человека становится предметом товарно-денежных отношений.

Согласно исторически сложившемуся классическому подходу в развитии проституции выделяют три основных периода:

эпоха проституции гостеприимства (уступление или предоставление женщины-рабыни или жены под более или менее благовидным предложением гостю) – связана с объективной потребностью развития торгового и культурного обмена между народами;

эпоха священной (религиозной) проституции – связана с отправлением культов либо поклонением некоему божеству (однократная и постоянная религиозная проституция);

эпоха легальной, современной проституции – изначально связана с пониманием явления как средства удовлетворения наклонности мужчин в целях исключения внебрачных половых связей с замужними женщинами [7, с. 6].

В обществе принято считать проституцию древнейшей профессией, с чем согласны в высказываниях и ученые-правоведы [10, с. 3]. Однако является ли проституция действительно древнейшей профессией в полном смысле слова? Вряд ли следует согласиться с указанным мнением, если под профессией понимать трудовую специализацию и в доклассовом обществе (охотник, скотовод, земледельец). Проституция как купля-продажа могла появиться лишь при наличии товарно-денежных отношений, т. е. в классовом обществе [1, с. 373]. Таким образом, первые две формы, получившие развитие в соответствующих исторических эпохах, не могут быть отнесены к проституции в полном понимании этого слова, в частности как профессии (как к продаже своего тела за деньги каждому желающему для удовлетворения его половой потребности), поскольку выполнение этих действий предписывалось обычаями, правилами поведения, религиозными культами и санкционировалось господствующей моралью. Скорее, следует говорить о проституции как о древнейшем социальном явлении – явлении неотъемлемом и нормальном, если исходить из того, что понятие «нормы» весьма относительно и в большей степени характеризуется признаками характерности, постоянства, усредненности. Эти своеобразные формы существования и распространения проституции так или иначе явились фундаментом для развития данного социального явления на современном этапе. Например, дома, использовавшиеся жрецами для содержания женщин-блудниц в целях получения постоянной прибыли (во времена религиозной проституции), являлись прообразом современных публичных домов [9, с. 10–16].

Исследователи обычно связывают институционализацию проституции с эпохой ее легализации и появлением в Древней Греции первых публичных домов – дейтерионов (дейктерионов, доктерионов), основанных Солоном в VI в. до н. э. Для всех посетителей была установлена единая плата – один обол. За это один из современников Солона воспеваает его: «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими молодыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». В этом величании «выдается» одна из социальных функций проституции: служить предохранительным клапаном моногамного брака. Позднее эту функцию проституции понимали (или догадывались о ней?) и отцы церкви. Так, святой Августин восклицает: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторит Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!» [цит по: 1, с. 373; 9, с. 16].

Таким образом, исходя из классического определения проституции и исторических предпосылок ее возникновения и развития как социального института, можно утверждать, что неотъемлемыми условиями ее существования в обществе являются товарно-денежные отношения и моногамия. Полагаем, отсутствие одного из данных элементов если не исключает в полной мере, то значительно минимизирует проституцию как явление. Примеры можно видеть и в современном мире. Так, в странах, где господствующая религия и вытекающие из нее нормы морали разрешают или поощряют полигамию (например, в ряде стран, где большинство населения исповедует ислам), проституция среди коренного населения фактически отсутствует. Отсутствует она и в современном ее понимании в первобытных племенах Африки, где нет товарно-денежных отношений – там она может присутствовать лишь в первобытном виде – «проституция гостеприимства».

Вместе с тем следует согласиться с мнением известного ученого-криминолога профессора Я.И. Гилянского, что товарно-денежные отношения и моногамная семья – это лишь объективные предпосылки, необходимые условия возникновения и существования проституции в сфере сексуальных отношений как разновидности всеобщей продажности. Наряду с ними должны существовать и причины, в силу которых, во-первых, лишь некоторые лица встают на путь проституирования и, во-вторых, уровень проституции неодинаков в разных странах, а также в различные периоды исторического развития одного и того же государства.

Не существует специфических причин проституции и только проституции. Одни и те же причины порождают и проституцию, и преступ-

ность, и пьянство, и наркотизм, и иные формы социальной патологии, вызывая девиантное поведение. Непосредственной причиной различных форм социальной патологии (вообще социальных отклонений) выступает противоречие между относительно равномерно растущими потребностями членов общества и неравномерно «распределяемыми» и изменяющимися возможностями их удовлетворения [8, с. 145]. Поскольку возможности удовлетворения потребностей существенно зависят от социального статуса людей (их принадлежности к группе, классу), занимаемого ими места в системе общественных отношений, постольку источником девиантного поведения (включая проституирование) служит социальное неравенство. При этом, во-первых, социальная неудовлетворенность порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребность, сколько относительными – по сравнению с другими представителями своей социальной группы, класса, других социальных групп. Во-вторых, по мере удовлетворения «первичных», витальных потребностей все большее значение для человека приобретают «вторичные», социальные, потребности – в престиже, социальном положении, самоутверждении. Таким образом, все более «деликтогенным» становится отсутствие возможностей самоутверждения личности (комплекс Герострата) и, несмотря на расширение «абсолютных» возможностей удовлетворения потребностей, социальное неравенство, обострившееся за годы социальных, экономических, идеологических преобразований, связанных с распадом Советского Союза, породило «неожиданный» рост преступности, пьянства, наркотизма и проституции. Общность причин девиантного поведения, различных форм социальной патологии обнаруживается в известной устойчивости их взаимосвязей. М. Гернет еще в 1906 г. отмечал: «при объяснении меньшей преступности женщины не следует упускать из внимания ее участие в проституции, вызываемой теми же социальными причинами, какие порождают преступность» [1, с. 376; 10, с. 5].

Наряду с рассмотренной непосредственной причиной различных форм социальной патологии (в том числе проституции) существует ряд иных, хотя напрямую и не связанных с социальной дифференцированностью общества причин, обуславливающих существование рассматриваемого явления. Полный их комплекс в конкретизированном виде можно представить следующим образом: социально-экономические; морально-этические; физиологические [5, с. 173–174]. Среди благоприятствующих проституции факторов называют: возрастающие масштабы миграционных процессов; концентрация в отдельных местностях лиц одного пола; существующая в стране система трудоустройства; отсут-

стве эффективной материальной и социальной поддержки молодежи при ее переходе к самостоятельной жизни и др. [6, с. 151].

В чем заключается общественная опасность проституции? В связи с постановкой этого вопроса учеными выявлен целый комплекс общественно опасных аспектов:

социальный: проституция является формой социального паразитизма, выражающегося прежде всего в уклонении от общественно полезного труда, т. е. создающего своего рода альтернативный образ жизни, не представляющий в качестве основной нормы трудовой процесс (связь с алкоголизмом, наркоманией, тунеядством);

медицинский: распространение ВИЧ/СПИД, ИППП; женщины, занимающиеся проституцией, утрачивают собственное здоровье, не могут быть полноценными матерями и производить полноценных, здоровых детей;

нравственно-психологический: проституция неизбежно ведет к искажению природных, биологических и психологических качеств, общечеловеческих ценностей, к деградации личности и моральной патологии;

правовой: проституция, с одной стороны, может приводить к преступной деятельности самих женщин секс-бизнеса, а с другой – является благоприятной средой для возникновения и развития такой деятельности [5, с. 174–175].

В литературе высказываются обоснованные мнения о соотношении указанных аспектов. Полагаем, что можно согласиться с тем, что проституция, являясь следствием социальных, экономических и нравственных деформаций, присущих обществу, одновременно являет собой одну из причин не только антиобщественного, но и противоправного поведения отдельных лиц, причину совершения достаточно многих видов преступлений [10, с. 4].

Конкретизируя последний аспект, необходимо отметить, что преступления, как совершаемые проститутками, так и в отношении последних, могут носить и общеуголовный характер, и быть связаны непосредственно с оказанием сексуальных услуг.

В первом случае это могут быть кражи, грабежи, вымогательство (иные имущественные преступления); хулиганство; незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров; вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение и т. д. Во втором – со стороны женщин секс-бизнеса – заражение ВИЧ, заражение венерическим заболеванием и т. д.; в отношении их –

изнасилование, насильственные действия сексуального характера; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста; использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией, вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией; торговля людьми; похищение человека; незаконное лишение свободы и т. д.

Преступления, связанные с использованием занятия проституцией (сексуальной эксплуатацией), следует отметить отдельно, поскольку в отличие от всех остальных, сопутствующих эти криминальные деяния, как правило, носят корыстную направленность. Они совершаются с целью извлечения постоянной прибыли и характеризуются протяженностью во времени, многоэпизодностью и потому нередко носят организованный характер и, как следствие, вызывают наибольшие сложности в выявлении, раскрытии и расследовании.

Говоря о глобализации проституции в современных условиях, некоторые ученые отмечают, что «многие молодые женщины сами эмигрируют в экономически более развитые страны с целью зарабатывать не рубли или динары, а доллары или евро» [1, с. 380]. Так, в ходе исследований проблемы торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации, проводимых на протяжении более чем 10 лет (с 2002 г.), не было выявлено фактов выезда женщин за рубеж для занятия проституцией исключительно по собственной инициативе [11, 12]. При этом ретроспективный анализ проблемы показывает, что данная закономерность носит исторический характер. Так, еще в 1903 г. главный санитарный врач Минска П.А. Грацианов, характеризуя секс-трафикинг того времени, писал: «Без посредника ни одна женщина не поступает в дом, как это ни странно на первый взгляд. Коммиссионеры путешествуют из города в город, подыскивают подходящий товар, увозят его, перепродают, обменивают, словом ведут дело на коммерческих началах» [3, с. 6].

Если делать скидку на значительную латентность проституции как явления (в стране, где она официально административно запрещена и осуждается большей частью общества), можно предположить, что факты трансграничного проституирования остаются скрытыми от исследования. Кроме того, говорить о таких фактах можно при повторной виктимизации: когда ранее вовлеченные в секс-трафикинг жертвы, будучи «профессионально деформированными», повторно выезжают за рубеж самостоятельно. Так или иначе, даже с учетом указанных обстоятельств, говорить о множественности подобных фактов нет никаких оснований.

Вместе с тем всестороннее исследование эмпирических данных свидетельствует о том, что на практике выезд девушек за рубеж для занятия проституцией (независимо от их осведомленности о целях поездки), как правило, инициируется и (или) организуется третьими лицами: ни для кого не секрет, что секс-трафикинг входит в тройку самых высокодоходных видов транснациональной криминальной деятельности. Таким образом, по нашему мнению, следует вести речь о проституции не только в аспекте ее глобализации, но и в аспекте ее связи с преступностью, в аспекте глобализации самой такой преступности, которая в этой части приобретает не только организованный, но и транснациональный, глобальный характер.

Ретроспективный анализ взглядов общества на проституцию позволяет выделить три основных официальных отношения к ней: прогибиционизм (запрет), регламентация (регистрация, медицинское наблюдение и т. п.), аболиционизм (отсутствие запрета и регистрации) [1, с. 381].

По поводу эффективности, обоснованности и своевременности реализации того или иного отношения к проституции на современном этапе среди ученых-юристов единства взглядов не существует. Так, профессор И.В. Шмаров отмечает, что еще ни одно государство за многовековую историю борьбы с этим социальным злом не одержало над ним полной победы даже с помощью правовых и административно-управленческих мер, хотя ни одно государство и не отказывалось от них [10, с. 6].

Мнение о неэффективности прогибиционизма разделяет и профессор Я.И. Гилинский, приводя весомые аргументы: «Пока существуют товарно-денежные отношения (и сексуальность человека!), будет и проституция. И никакие призывы и заклинания (а равно запреты, которые приведут лишь к более тайному, «подпольному» существованию проституции и увеличению размеров оплаты предоставляемых услуг) не смогут ее „ликвидировать“» [2, с. 120]. Вместе с тем ученый, не оправдывая проституцию, высказывает следующее суждение: «...не кажется ли сторонникам репрессий по меньшей мере нелогичным и несправедливым требование уголовной ответственности женщины-проститутки при безответственности клиента?» [1, с. 382].

Следует отметить, что в последние годы исходя из опыта отдельных западноевропейских государств (например, Швеции, Норвегии, Исландии) в научный оборот вошло понятие «неоаболиционизм». Данный подход предполагает привлечение к ответственности (вплоть до уголовной) клиента – потребителя секс-услуг: при этом лицо, предлагающее такие услуги, – к ответственности не привлекается. Прогрессивным представ-

ляется наименее радикальное проявление такого подхода, когда ответственности подлежит лицо, осознанно пользующееся услугами жертвы торговли людьми (например, это законодательно закреплено в Финляндии). Однако в целом неоаболиционизм, хотя и призван служить таким конструктивным принципам, как обеспечение равенства между полами; справедливое распределение ответственности; снижение числа женщин, вовлеченных в уличную проституцию; борьба с торговлей людьми; обеспечение безопасности женщин секс-бизнеса, является спорным подходом. В защиту данного высказывания существует ряд весомых аргументов. Так, представляется очевидным, что введение ответственности клиента, особенно уголовной, ведет к увеличению объемов черного рынка секс-услуг; осложнению контроля за проституцией со стороны правоохранительных органов; существенному затруднению процесса доказывания по уголовным делам о сексуальной эксплуатации и торговле людьми; незащищенности женщин, вовлеченных в проституцию, и т. д. [4, с. 68–75]. По сути данный подход является неким синтезом идей аболиционизма и прогибиционизма, поскольку предусматривает запрет на платные секс-услуги. Однако в данном случае преследуется спрос, а не их предложение.

И.В. Шмаров отмечает, что «в современных условиях с социальной и политической точек зрения наиболее предпочтительным является метод не запретительный, а регламентирующий, который может обеспечить контроль общества за проституцией как социальным явлением и за теми лицами, которые ею занимаются» [10, с. 8].

Я.И. Гилинский, не разделяя данного мнения, указывает, что для современного общества наряду с запретительной политикой регламентации проституции также является спорной, хотя многие медицинские работники и видят в ней преграду распространения ВИЧ/СПИД и ИППП. По его мнению, наиболее приемлема политика аболиционизма. Тем более, что она фактически осуществлялась, когда о проституции просто не принято было говорить [1, с. 381–382].

В целом, следует согласиться с тем, что занятие проституцией будет сокращаться по мере преодоления стимулов к аморальным формам стяжательства и наживы, мере вытеснения потребительства более высокими ценностными ориентациями, мере формирования у людей чувства гордости, собственного достоинства, значимости собственного существования, когда любая форма продажности будет вызывать чувство брезгливости, а не скрытой зависти к доходному промыслу [1, с. 381–382]. Однако, как отмечает профессор А.Н. Игнатов, процесс этот длительный, включающий комплекс взаимосвязанных мер соци-

ального, экономического, медицинского, воспитательного и правового характеров [8, с. 145–146].

Следует отметить, что большинство ученых наряду с изложенным не исключают уголовную ответственность за деяния, связанные с сексуальной эксплуатацией, с чем нельзя не согласиться. Названные общественно опасные деяния существуют в неразрывной связи с явлением проституции до тех пор, пока существует само это явление. Вместе с тем преступными, т. е. уголовно наказуемыми, эти деяния становятся лишь при условии их криминализации в конкретном государстве на определенном этапе исторического развития. Данный подход на современном этапе можно видеть в законодательстве большинства цивилизованных государств.

1. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 398 с.

2. Гишинский Я.И. Проституция как она есть // Проституция и преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. М. : Юрид. лит., 1991. С. 99–122.

3. Грацианов П.А. К вопросу о белых невольниках // Рус. мед. вестн. 1903. № 4. С. 1–31.

4. Дегтярев К. Опыт правового регулирования и правоприменительной деятельности в сфере борьбы с проституцией: ответственность клиента за приобретение сексуальных услуг в странах Европы // Спрос на сексуальные услуги: ответственность клиента / А.Э. Набатова [и др.] ; под общ. ред. А.Э. Набатовой. Минск : Тесей, 2011. С. 68–75.

5. Дьяченко А.П. Вопросы, которые ждут решения // Проституция и преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. М. : Юрид. лит., 1991. С. 162–179.

6. Дюков В.В. Гримасы рынка «свободной любви» // Проституция и преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. М. : Юрид. лит., 1991. С. 148–162.

7. Дюпуи Е. Проституция в древности. Кишинев : Logos, 1991. 198 с.

8. Игнатов А.Н. Проблемы правовой борьбы с проституцией // Проституция и преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. М. : Юрид. лит., 1991. С. 139–148.

9. Красуля С.Н. От жриц любви до обитательниц борделей // Проституция и преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. М. : Юрид. лит., 1991. С. 10–36.

10. Шмаров И.В. К читателю // Проституция и преступность. Проблемы, дискуссии, предложения. М. : Юрид. лит., 1991. С. 3–9.

11. Шруб М.П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации / под ред. И.И. Басецкого. Минск : Друк-С, 2007. 130 с.

12. Шруб М.П. Методика расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации / под ред. В.М. Логвина. Минск : Тесей, 2009. 176 с.

УДК 343.98(477)(006.16)

В.В. Юсупов

НАУЧНАЯ ШКОЛА КРИМИНАЛИСТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ЕЕ СВЯЗИ С ДРУГИМИ НАУЧНЫМИ ШКОЛАМИ И ЦЕНТРАМИ

Известно, что в каждой отрасли науки функционируют научные школы и формирование каждой происходит под влиянием лидера, эрудиция, круг интересов и стиль работы которого имеют определяющее значение для привлечения новых сотрудников. Отношения внутри такого научного коллектива способствуют обмену информации на уровне идей (а не конечных результатов исследований), что значительно повышает эффективность творческой научной работы. Любая научная школа возникает и развивается в пределах системы предметной отрасли знаний, и криминалистика в данном контексте не является исключением.

Вследствие детальной разработки вопросов общей теории криминалистики, исследования следственной практики и проблем усовершенствования следственной деятельности в 1979 г. в Киевской высшей школе МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского (теперь – Национальная академия внутренних дел) образовалась самостоятельная криминалистическая школа. Идея ее создания принадлежит профессорско-преподавательскому составу кафедры криминалистики.

Следует отметить, что самостоятельной кафедрой криминалистики Национальной академии внутренних дел (НАВД) стала в 1964 г. Ее возглавляли П.Н. Назаров, М.В. Салтевский, В.П. Бахин, Е.Д. Лукьянчиков, П.Д. Биленчук, В.С. Кузьмичев. С 2004 г. кафедрой руководит профессор В.К. Весельский.

Кафедра обеспечивала преподавание классического курса криминалистики и отдельных специализированных курсов по методике расследования преступлений, специальную технику, курса судебной медицины и курса судебной психиатрии.

Основоположником научной школы криминалистики НАВД является доктор юридических наук, профессор, академик Международной славянской академии, лауреат почетной медали Р.С. Белкина В.П. Бахин. Ученый исследовал широкий спектр вопросов криминалистики, но одним из главных направлений его научных интересов являются вопросы изучения следственной практики и усовершенствования криминалистической тактики, нашедшие отражение в диссертационном исследовании «Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования» (1991).